

беседы с доче рью

об
ЭКО
НОМИКЕ
*янис
варуфакис*

Янис Варуфакис

Беседы с дочерью об экономике

«Ад Маргинем Пресс»

2013

УДК 330.1
ББК 65.01

Варуфакис Я.

Беседы с дочерью об экономике / Я. Варуфакис — «Ад Маргинем Пресс», 2013

ISBN 978-5-91103-422-1

Янис Варуфакис (р. 1961) – профессор экономики в Афинском и Техасском университетах, консультант по рынку виртуальных товаров в компьютерных играх компании Valve, министр экономики Греции (27 января – 6 июля 2015 года). В этой небольшой книге, написанной в форме разговора с дочерью Ксенией, он пытается ответить на главные вопросы экономики, в том числе откуда берется неравенство. Взяв в качестве примеров истории из повседневной жизни и классические тексты и мифы европейской культуры от Эдипа и Фауста до «Франкенштейна» и «Матрицы», всемирно известный экономист объясняет, что такое экономика и как она влияет на нашу жизнь.

УДК 330.1

ББК 65.01

ISBN 978-5-91103-422-1

© Варуфакис Я., 2013

© Ад Маргинем Пресс, 2013

Содержание

Предисловие	6
Предисловие к русскому изданию	7
Глава 1	9
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Янис Варуфакис

Беседы с дочерью об экономике

Γιάνης Βαρουφάκης

ΜΙΛΩΝΤΑΣ ΣΤΗΝ ΚΟΡΗ ΜΟΥ ΓΙΑ ΤΗΝ ΟΙΚΟΝΟΜΙΑ

Εκδόσεις Πατάκη

Переводчик благодарит Тавифу Маркову (11 лет) за большой труд по редактированию перевода

Перевод – Александр Марков

Copyright © S. Patakis S.A. & Yanis Varoufakis Athens 2013

© Марков А., перевод, 2018

© ООО «Ад Маргинем Пресс», 2018

* * *

Предисловие

Эта книга обязана своим появлением просьбе издателя, Елены Патаки. Ей потребовался понятный любому подростку рассказ об экономике.

Я всегда думал, что если ты не можешь объяснить важнейшие экономические вопросы понятным подросткам языком, значит, ты сам их не понимаешь. В наше время экономический кризис стал главным вопросом, который всех волнует, и все говорят только о нем. Наше общество поляризовано. Поэтому просьба Елены стала для меня настоящим вызовом. Я ей сразу ответил: «Постараюсь написать такой текст». Если он удастся, наверное, он будет полезен и другим читателям, включая мою жену Данаю Страту и ее детей Никола и Эсмеральду Монферрату, и они сразу захотят его прочесть. Теперь книга издана, и любой может судить, удалась она или нет.

Мой положительный ответ на предложение Елены был обязан и другому обстоятельству моей жизни. Мне не так часто удается видиться с дочерью от первого брака, к которой обращены эти беседы: она живет в Австралии; и мы вместе считаем дни до каникул, когда она может приехать хотя бы на несколько дней, – чтобы потом опять месяцами не видеться. Когда я писал эту книгу и обдумывал, какие возражения на какие слова выдвинет мне дочь, я чувствовал, что она рядом. Она самый строгий мой критик, – и поэтому, надеюсь, я смог изложить вопросы как можно яснее, без лишних слов. Еще я задумался и о том, что эта книга, и это меня особо радовало, поможет ей лучше говорить по-гречески: ведь в Австралии она говорит и читает только по-английски.

Что до содержания, я решил не останавливаться на греческой повседневности последних печальных лет – на всех этих меморандумах, нищете, позоре, на всем, что мы переживаем с 2010 года. Я сосредоточился на больших вопросах большой экономики, которые касаются каждого из нас. Читатель сможет под другим углом посмотреть на продолжающееся разрушение нашей греческой экономики и понять, почему наши власти упорно отказываются принять необходимые меры, которые бы очень помогли Греции, Европе и всему миру.

Предисловие к русскому изданию

Я начал заниматься экономической теорией в 1970-е годы, когда верх над прочими убеждениями взяла новая идеология. Большинство ее знают и узнают под названием «неолиберализм». Жизнь на Западе необратимо поменялась, когда в Британии, где я тогда учился, Маргарет Тэтчер и в США – Рональд Рейган во всеуслышанье объявили о новой форме совершенно уже необузданного капитализма, постоянно усиливающего финансовый капитал (банковский сектор, хеджирование сделок, страхование предприятий и т. д.) и подрывающего при этом одновременно наемный труд и промышленный капитал. Я наблюдал за этими переменами одновременно с интересом и с испугом: новая идеология капиталистического режима, неолиберализм, имела не больше общего со старым капитализмом, чем прежний марксизм – с тем, что построили в Советском Союзе: а именно ничего!

Исчезновение красного флага над Кремлем в декабре 1991 года совпало с глобальной победой неолиберализма и концом марксизма. Не изменилось только одно: новая идеология, как и все господствующие идеологии, пестовалась новым правящим классом с целью легитимировать свои действия и свою политику. Настоящей целью было, конечно, продвижение интересов новых правителей – точно так же как правившие в СССР подмяли под себя и исказили марксизм, оправдывая им любые свои действия. Другими словами, экономическая теория просто скрывала интересы людей, «кто кого опередит», по бессмертному выражению Ленина. Более того, так называемые экономические эксперты устремились учить народ России, как все устроено в экономике «на самом деле», выступая от имени науки как от своего собственного.

Дорогой читатель! Эта маленькая книга создана из убеждения, что экономика – слишком важная вещь, чтобы доверять ее экономистам, вне зависимости, работают ли они на советскую власть или представляют интересы корпораций и различных олигархов. В этом смысле эта работа совсем не похожа на привычную научно-популярную литературу, пересказывающую достижения ученых.

Конечно, если нам нужно соорудить мост, лучше предоставить это дело знатокам – инженерам. Если нам нужна хирургическая операция, мы обращаемся к профессионалу. Да и вообще научно-популярная литература важна в вышедшем из берегов мире, где президент США начал открытую войну против науки, а наши дети зевают на научных лекциях, предпочитая нездоровую атмосферу бизнес-курсов, тренингов и разных воркшопов по пиару. Поэтому широкое признание науки – прекрасная защита научного сообщества, без экспертизы которого общество не выживет.

Я давно преподаю экономику и всегда считал, что если ты не можешь объяснить экономику, чтобы молодежь все поняла, то значит, ты сам ничего в ней не понимаешь. Со временем я понял и другое утешительное противоречие, лежащее в основе моей профессии, которое только подтвердило мое начальное убеждение: Чем научнее наши модели экономики, тем меньше отношения они имеют к действительно существующей экономике.

Итак, в экономике все не так, как в физике, инженерном деле и других позитивных науках, где чем изощреннее становится научное знание, тем лучше мы понимаем, как действительно устроена природа. Вот почему я убежден, что экономика – слишком важное дело, чтобы отдавать его на откуп «экспертам»-экономистам. Вот почему книга ведет читателей в противоположном направлении, чем популяризация науки, – она побуждает каждого из вас, читатели, взять экономику в свои руки. Мы должны научиться понимать хотя бы то, почему самозванные «эксперты» по экономике (называющие себя учеными-экономистами) всегда ошибаются!

Отнять у изолгавшихся экспертов их бизнес, право авторитетным тоном говорить об экономике – предварительное условие общественного благополучия и настоящей демократии. Подъем и спад экономики определяет нашу жизнь, воздействие экономики превращает демо-

кратию в розыгрыш, экономика лезет нам в душу, создавая за нас наши надежды и чаяния. Поэтому лучше держаться подальше от экономистов, а иначе все наши решения будут продиктованы только их прихотями.

Может быть, власть экспертов над нашими телами и душами была бы мягкой и более-менее приемлемой диктатурой, если бы они действительно лучше других разбирались в своем предмете. Но они ничего не понимают в экономике! Они лукавые, а иногда благонамеренные, но искренне заблуждающиеся люди – их объединяет то, что самоназначенный статус экспертов служит их личной выгоде. Они – сегодняшний извод монахов, богословов, кардиналов, испанских инквизиторов или революционных комиссаров, которые претендуют на прямую связь с божеством и на монопольное владение мудростью. Небезопасно вступать с ними в спор, но эта книга опасна для них.

Чтобы книга стала такой – небольшой, но опасной, – я выбрал простую стратегию: написать книгу как объяснение экономики для Ксении, моей тринадцатилетней дочери, без всяких умных слов, без ссылок на «авторитетных экспертов», без любых – измов (капитализм, социализм, коммунизм). Надеюсь, читатель, что она послужит и твоей пользе.

Глава 1

Как возникло неравенство?

Почему австралийские аборигены не вторглись в Англию?

Все младенцы рождаются на свет голыми. Весьма скоро некоторые уже ходят в самых дорогих и прекрасных платьях, купленных в лучших бутиках, хотя большинство довольствуется ношенными одежками и тряпками. Когда дети подрастают, первые, которых мало, воруют взгляд, когда родственники и друзья дарят им одежду (им нужны совсем другие подарки!), а вторые, которых очень много, мечтают, когда же, в один прекрасный день, они пойдут в школу не в дырявых ботинках.

Это только одно из проявлений неравенства, царящего в нашем мире. Мы больше слышим о неравенстве, чем видим его: ведь вместе с тобой в школу не ходят, к сожалению, дети, приговоренные к нищете, подвергнутые унижениям, а во всем мире таких подавляющее большинство. Ты знаешь хотя бы на словах, что большинство детей в мире живут не как ты и твои одноклассники. Недавно ты спросила меня: «Откуда взялось такое неравенство?» Но мой ответ не удовлетворил даже меня самого. Поэтому давай, я еще раз попытаюсь ответить на этот вопрос, который мучает и меня самого.

Сейчас ты живешь и растешь в Австралии, и на уроках в твоей сиднейской школе вам много рассказывали об аборигенах, как их преследовали, как уничтожали их культуру, как белые британцы переселяли их и лишали всяких прав два века, в какой нищете, к нашему стыду, они до сих пор живут. Но при этом никто не задал вопрос, почему британцы вторглись в Австралию, захватили всю землю и все имущество аборигенов, уничтожили весь их мир, почему было не наоборот? Почему не могло быть такого, что войска аборигенов высадились в Дувре, марш-броском дошли до Лондона и перебили всех англичан, осмелившихся выйти им навстречу? Уверен, что в вашей школе ни одному учителю даже в голову такой вопрос не придет.

Но этот вопрос задать надо. Если мы поторопимся с ответом, то будем и впредь ошибочно считать, что европейцы всегда были умнее и способнее. Но и другой ответ, что аборигены были всегда добрыми и просто не захотели быть жестокими колонизаторами, тоже никуда не годится. Ведь они смогли бы стать колонизаторами, только если бы построили большие морские суда, изобрели современное оружие и высадились на побережье Англии войском, достаточным для полной победы над англичанами. Можно было бы судить, что они добрые, если бы они не обратили англичан в рабство, не разграбили бы графство Сассекс, графство Суррей, графство Кент.

Чтобы ответить на заданный вопрос, нужно разобраться, откуда появилось неравенство между народами? Неужели одни народы умнее, а другие глупее? А если дело не в происхождении или генетике, почему в нашем городе не встретишь такую нищету, как на любой улице Таиланда?

Рынок и экономика – разные вещи

В обществе, в котором ты растешь, все по ошибке сводят экономику к работе рынка. Но что такое рынок? Это место, где происходит обмен. В супермаркете мы заполняем тележку товарами и «меняем» на деньги, которые потом обменивают на другие товары те, кто их зарабатывает (это может быть владелец супермаркета, а может быть работник, получающий от него часть

денег). Если бы денег не существовало, нам пришлось бы отдать продавцу что-то из нашего имущества. Итак, ты поняла, что рынок – место, где происходит обмен. В наши дни рынок бывает и цифровым: скажем, ты меня просишь покупать тебе приложения на iTunes и книги на Amazon.

Рынки существовали еще тогда, когда люди жили на деревьях и не умели пахать землю. Наш далекий предок принес соседу банан, потребовав за него яблоко, – это был обмен. Это уже был самый простой рынок: один банан стоил одно яблоко, и наоборот. Но это еще была не экономика. Чтобы возникла настоящая экономика, нужно было создать производство, а не просто охотиться, рыбачить или собирать бананы.

Два больших скачка: речь и избыток

Примерно 82 тысячи лет назад человечество совершило первый большой скачок. Люди научились употреблять голосовые связки не только для того, чтобы кричать, но и чтобы разговаривать. Через 70 тысяч лет после этого человечество совершило второй большой скачок. Люди научились обрабатывать землю. Речь и производство пищи, а не просто крик и не просто употребление даров природы, и создали то, что мы сейчас называем экономикой.

Через 12 тысячелетий после изобретения земледелия, мы можем сказать, что тогда произошло. Человек впервые перестал полагаться на природу с ее дарами, но научился, прилагая усилия, самостоятельно производить нужные ему вещи. Был ли человек этому рад? Конечно, нет. Единственное, что заставило человека возделывать землю – страх голода. Человек истребил многих диких зверей и птиц, на которых привык охотиться, устраивая ловушки и силки, а плодов деревьев не хватало для пропитания всех людей. Поэтому и пришлось изобретать обработку земли.

Нельзя сказать, что это был наш выбор – развивать технологии. Наоборот, технологии, земледельческая экономика создала нас самих! Благодаря земледелию сразу изменилось общество. Производство продуктов создало главный элемент настоящей экономики – избыток. Что такое избыток? Это продукт, которого хватает не только для пропитания и для нового посева («вклад» в землю), но и про запас. Его можно собрать и сохранить на будущее, скажем, сохранить зерно на случай неурожая или засухи. А можно это зерно высадить, в надежде собрать еще больший урожай, чтобы еще больше пополнить запасы. Так растет избыток.

Обрати внимание на две вещи. Прежде всего, охота, рыбная ловля или собирательство не могут создать избытка – выловленная рыба, пойманный заяц и собранные бананы скоро испортятся и сгниют. А вот пшеница, кукуруза, рис, ячмень сохранятся. Затем, производство сельскохозяйственной продукции произвело на свет все чудеса общественной жизни: письменность, долги, деньги, государства, войска, жрецов, бюрократию, технику и технологии и даже некое подобие биохимических войн. Но обо всем по порядку.

Письмо

Археологи сообщают нам, что первая форма письменности возникла в Месопотамии. И что там записывали? Записывали количество зерна, которое каждый земледелец сдал в общие закрома (амбар, зернохранилище). В чем смысл? Одному землепашцу трудно построить себе хранилище, чтобы держать излишки. Лучше всем вместе соорудить общие склады, находящиеся под надзором распорядителя, чтобы каждый земледелец хранил там урожай. Но подобная организация хранения требовала, чтобы всем было видно, что, например, милостивый государь Набух положил столько-то тогдашних килограммов (или других мер веса) в амбар, ведь не будешь каждый раз ходить и пересчитывать. Действительно, письменность и была изобретена для того, чтобы вести всем понятный учет, чтобы можно было предъявить, сколько чего

положено в общие закрома. Неудивительно тогда, что общества, не нуждавшиеся в развитии земледелия, довольствовавшиеся охотой и собирательством, как общества австралийских аборигенов или коренных жителей Северной Америки, добились больших успехов в живописи и музыке, но даже не стали изобретать письменность.

Долги и деньги

Учетная запись количества продуктов, например зерна, принадлежащего нашему любезному другу Набуху, и легла в основу и долговых расписок, и денег. Мы знаем, опять же благодаря археологическим открытиям, что многим работникам платили черепками, на которых были написаны числа – указание, сколько зерна начальник должен им будет выдать за работу. Зерно, в указанном количестве, может быть, еще и не было произведено, поэтому эти черепки по сути были долговой распиской начальника перед работником. Одновременно они стали первой формой денег: работники на эти черепки покупали друг у друга продукты.

Интереснее всего, что именно возникло с появлением металлических денег. Многие исследователи думают, что металлические монеты были созданы, чтобы быть надежнее в употреблении, не изнашиваться, проходя через множество рук. Но это не всегда было так. Например, в Месопотамии металлические деньги были просто формой записи, единицей учета, сколько зерна надлежит выдать; при этом монеты могли быть не выпущены, а только обозначены в записи! Поэтому мы можем предположить, что с какого-то момента запись прав собственности на зерно, хранящееся в общих закромах, приняла форму металлических монет. Мы не случайно употребили слова форма и единица. Действительно, делалась запись, что господин Набух получит зерно ценою в три металлических монеты – но самое смешное, что этих монет никто не видел. Их никто еще не чеканил, или чеканили изредка – регулярный выпуск монеты датируется несколькими столетиями позже – а если эти монеты и существовали, это были тяжелые железные болванки, которые было трудно носить с собой. Итак, сделки по излишкам урожая совершались не с помощью монет, а «в форме монет», образно или символически. А значит, эти названные символические единицы получили доверие, или как мы называем это по-латыни кредит, от латинского *credere* – веровать: люди поверили в то, что эти условные единицы имеют покупательную способность, и что можно работать за эти единицы.

Но чтобы такая вера стала действенной, должна была заявить о себе та неведомая сила, которую мы сейчас называем властью. Власть – это форма и формула закона, переживающая каждого отдельного начальника. Благодаря этой формуле каждый знает, что ему в урочное время выдадут положенную, принадлежащую ему часть урожая.

Власть, бюрократия, армия

Итак, в одном ряду идут долг, деньги, кредит и власть. Без записи долга невозможно правильно распределить излишек урожая. Но чтобы обозначить этот долг, нужны деньги. А чтобы деньги обладали ценностью, нужна власть, устанавливающая те законы, по которым деньги заслуживают доверия.

Власть существует только при условии, что она забирает часть излишков, потому что власть нуждается в бюрократии и в средствах наведения порядка. Например, власть учреждает суды, занимающиеся тяжбами вокруг долга в случае, если займодавец и должник не могут договориться, как должен быть выплачен долг. Также нужна полиция, для защиты прав частной собственности. Наконец, нужны те, кто будет всем управлять, начальники, и начальники всегда требуют (пока мы не обсуждаем, хорошо это или плохо) для себя высокого уровня жизни. Чтобы все это работало, нужен довольно большой излишек, чтобы прокормить всех названных людей, не работающих в поле. Без излишка невозможно также собрать и обучить армию. А

без хорошей армии никакие полномочия начальства, и вообще никакая власть не может долго существовать, потому что иначе большая часть страны и населения, достанутся соседям-завоевателям.

Жрецы

Все государства, возникшие из сельскохозяйственных обществ, весьма несправедливо распределяли излишки. Как нам расскажет любой историк, больше всего доставалось тем, кто сильнее, кто влиятельнее, у кого больше оружия. Но сколь бы ни были сильны эти люди, и как бы много у них ни было власти, они не могли противостоять подавляющему большинству обездоленных земледельцев, которые, если бы смогли договориться, за несколько часов не оставили бы камня на камне от угнетающего порядка.

Как же удавалось властителям осуществлять власть вопреки воле большинства, распределяя излишки в свою пользу, а не в пользу других? Очень просто: они разработали систему идей, которая убедила подданных в законности их власти. Они имеют право на излишки, потому что они благородны и мудры, потому что они избранники, само небо их избрало для того, чтобы распоряжаться земными делами, потому что милостивые боги так решили.

Если бы не этот новый закон, не эта, как мы говорим, господствующая идеология, начальники не смогли бы связать с собой надежду всего населения. Кто бы их стал почитать только за то, что они есть? Другое дело, если рядом с начальником стоит полномочный представитель богов и от имени богов утверждает его власть.

Пока земледельцы просто выращивали урожай, до изобретения аграрной экономики, они и не думали, что общество может быть как-то организовано. Но как только власть утвердила себя как переживающая целые поколения и века, полностью сохраняющая свою форму после смерти правителя, тут же понадобилась идеология: возникло жречество, сообщавшее откровения богов и совершавшее действия, которые утверждали непрерывность бытия этого общества, неизбежность его святости и несомненность полномочий начальника. Возникновение религии нельзя объяснить только страхом смерти: если бы не существовало больших излишков урожая, тогда бы и не возникло пышного жречества, которое ничего не производит, а живет только на излишки.

Технология

Человеческий ум совершил несколько технологических революций еще до появления земледелия: человек овладел огнем и научился обрабатывать металлы явно до того, как стал обрабатывать землю мотыгой. Но производство сельскохозяйственной продукции дало огромный толчок развитию технологий, иначе и быть не могло. Прежде всего, люди со способностями изобретателей теперь были освобождены от необходимости охотиться на зверей и птиц, чтобы насытиться. Изобретатели смогли создавать орудия сельскохозяйственного труда, оружие для армии, украшения для правителя и выменивать их на излишки урожая. Более того, аграрное общество потребовало прежде неведомых технологических новшеств: так, понадобились плуги и системы оросительных каналов.

Биохимическая война

В собранном урожае заводятся смертельные бактерии. Как только впервые собрали тонны урожая в общие закрома и как только тысячи людей сошлись вместе в большие поселения, первые города, взяв с собой еще и скот, дававший молоко и мясо, перевозивший урожай,

эта громадная биомасса невольно сделалась страшной биохимической лабораторией: в ней бактерии быстро эволюционировали, размножались, мутировали и становились страшными – по крайней мере в сравнении с теми, с которыми люди прежде сталкивались, когда трудились порознь.

Так начались эпидемии, мучительные и губительные для множества людей, и число их жертв было огромно. Но постепенно аграрные общества и экономики стали вырабатывать в себе устойчивость к бактериям холеры, тифа и вирусу гриппа. Люди становились носителями миллионов этих смертельных микроорганизмов, не претерпевая от них никакого вреда. Поэтому, когда люди из аграрных обществ приходили к племенам, не знавшим сельскохозяйственного производства, для истребления этих племен им не требовалось ни мечей, ни стрел. Просто гибли все, кто вставал близко к ним. И в Австралии, и в Америке большинство аборигенов вымерло под действием бактерий, которые принесли на себе вторгшиеся европейцы, а вовсе не от пушек, пуль и мечей. В иных случаях европейские захватчики сознательно употребляли это биохимическое оружие. Например, есть сведения, что в Америке одно из индейских племен было полностью истреблено, когда европейское посольство подарило им одеяла, на которых намеренно была оставлена слюна с бактерией тифа.

Итак, почему же все-таки британцы победили аборигенов, а не наоборот?

Пора вернуться к жестокому вопросу, с которого я начал: почему британцы вторглись в Австралию, а не аборигены – в Англию? Почему все империалистические сверхдержавы возникли в Евразии, и с недавнего времени – в Северной Америке, благодаря навыкам, перенесенным из Европы? Почему сверхдержавы не возникли ни в Африке, ни в Австралии? Генетика здесь ни при чем. Правильный ответ мы уже дали.

Любая сильная власть начинается с избытка урожая. Без избытка урожая невозможно ни вооружить армию, ни управлять распределением урожая, ни научиться писать, ни внедрить новые технологии, ни создать порох, ни построить морские суда...

Мы увидели, что аграрные общества создали даже биохимическое оружие, способное уничтожать охотников и собирателей, например австралийских аборигенов.

Мы увидели, что в таких землях, как Австралия, где всегда хватало еды (три или четыре миллиона людей, благодаря щедрости природы, имели исключительный доступ ко всей флоре и фауне материка, по размерам равного Европе), не было никаких причин изобретать сельскохозяйственные технологии для сбора и хранения урожая.

Мы сейчас знаем (и хотя ты мала, ты уже это выучила), что у аборигенов была поэзия, музыка и мифология огромной культурной ценности. Но у них не было средств, чтобы нападать на другие народы или защищать собственный народ. Напротив, англичане, как участники событий в Евразии, самым ходом вещей были принуждены к тому, чтобы образовывать излишки урожая и все сопутствующее им: от морских кораблей до биохимического оружия. Поэтому, когда первый англичанин ступил на берега Австралии, у аборигенов не осталось никакого шанса на выживание.

А как же Африка?

«А африканцы? – ты сразу спросишь меня. – Почему не возникло могущественной африканской державы, которая угрожала бы Европе? Почему рабов везли только в одну сторону? Неужели африканцы не были так умны, как европейцы?»

Опять дело не в качествах людей. Посмотрим на карту и сравним очертания Африки с очертаниями Евразии. Прежде всего Африка оказывается растянутой: начинается со Средиземноморья, тянется на юг до экватора и уходит далее в Южное полушарие. Одним словом,

африканская земля проходит через совершенно разные климатические зоны: пустыня Сахара, субтропики вокруг Сахары, чисто тропический климат на экваторе и умеренный климат Юга Африки. Посмотри теперь на Евразию. В отличие от Африки, тянущейся с севера на юг, Евразия идет от Атлантического океана на восток до берегов Китая и Вьетнама на Тихом океане. Евразия – континент-крепыш, если так можно сказать.

Что это означает? Когда мы движемся из одной области Евразии в другую, мы сталкиваемся лишь с небольшими различиями в климате – в отличие от Африки, где если мы проведем черту от Йоханнесбурга до Каира, она пройдет через множество климатических зон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.